

На берегу реки Циньхуай туман окутал холодные воды.

Павильон Звездного Дождя, расположенный на верхнем этаже башни Ситай, казался удивительно тихим островком посреди шумной и суетной жизни. Внутри стоял длинный стол, уставленный изысканными яствами на нефритовых подносах.

Неподалеку от стола возвышался инструмент кунхоу, а рядом с ним замер красавец. Стоило ему поднять взгляд, как его персиковые глаза наполнились чарующим блеском.

— Ты в самом деле решил стать Главой башни Ситай?

— А что мне еще остается? — красавец бросил взгляд на маленький комочек у своих ног. — Системка, как говорится, где приземлился, там и обустраивайся.

— Непутевый ты мой! Так и доиграешься, что в один прекрасный день сам себя в могилу сведешь! — раздалось предупреждение Системы.

Красавец опустил веки и улыбнулся, отчего прислуживавшая рядом служанка невольно зарделась.

— Дождемся этого дня, а там видно будет. Системка, сколько радостей отпущено человеку в жизни? Сколько успел урвать, столько и твое. Жизнь, знаешь ли, штука такая: не скажешь, что длинная, но и короткой не назовешь. Мы же не вы, Системы, чтобы жить вечно. Нужно же находить себе развлечения, иначе невыносимо скучно, не находишь?

— Делай что хочешь, только потом ко мне не обращайся.

У Системы разболелась голова, она ушла в глубокое молчание. Этот носитель снова затеял что-то невообразимое.

Фэн Цзюцин приподнял бровь. Системка как всегда не выносила шуток: пара слов — и она уже отказывается от общения, совсем не такая нежная, как раньше.

В этот момент дверь со скрипом отворилась. Фэн Цзюцин тут же стер улыбку, и в его глазах, похожих на лепестки персика, промелькнул иней. Казалось, весна, полная цветущих деревьев, в одно мгновение сменилась ледяной зимой.

Вошедший, едва переступив порог, ощутил исходящий от красавца холод, пронизывающий до костей. Похоже, слухи не лгали: Глава башни Ситай был ледяной статуей, скупая на слова.

Миновав ширму с изображением цветов и птиц, гость наконец смог разглядеть лицо хозяина.

Персиковые глаза, которые должны были источать нежность, сейчас были подернуты холодной дымкой, но их слегка приподнятые уголки придавали взгляду такую притягательность, что сердце невольно дрогнуло. У самого края глаза виднелась крошечная родинка, придававшая лицу особую чувственность. В левом ухе покачивалась серьга: под тонким ивовым листом сверкали прозрачный сапфир и ослепительно красный рубин, а завершала композицию серебряная луна с длинными кисточками.

Черные волосы были перехвачены лишь светлой лентой и ниспадали до самой талии, которую можно было обхватить одной рукой.

Взгляд Мо Лина на мгновение потемнел, но лицо осталось невозмутимым, а уголки губ не дрогнули.

Фэн Цзюцин, узнав гостя, на секунду опешил. Как это он здесь оказался?

Столько лет прошло, а он всё еще не забыл дорогу в подобные места. Ишь ты, хорош!

Всего год не заглядывал в свой огород, а мою капусту уже какой-то негодяй успел так искривить!

Впрочем, как его Наставник императора, он считал: раз уж его капуста хочет чему-то научиться, он должен преподать урок лично, чтобы потом не говорили, будто он не справляется со своими обязанностями.

Фэн Цзюцин растопил лед в своих глазах, и в комнате словно снова наступила весна. Он с улыбкой поднялся и, грациозно покачиваясь, поклонился вошедшему:

— Минцин приветствует дорогого гостя!

Его томный, вкрадчивый голос был невероятно соблазнительным, но у Системы от него лишь побежали мурашки, от которых невозможно было избавиться.

— Да замолчи ты! Тебе по возрасту в отцы ему годишься, а строишь из себя юнца и называешь его братом! Бесстыдник! Тьфу!

Резкий электронный голос взорвался у Фэн Цзюцина в голове, отчего он едва не потерял равновесие. К счастью, гость успел его подхватить.

— Системка, ты меня до смерти напугаешь! Нельзя ли в следующий раз потише? Душа в пятки ушла. К тому же, разве можно считать возраст из прошлой жизни? Сейчас мне еще нет двадцати, а он достиг совершеннолетия четыре года назад. Ну и что, что я назвал его братом? — мысленно отчитал Систему Фэн Цзюцин.

— Хм! — фыркнула Система. — Душа у тебя ушла или ты просто заигрываешь со своим учеником — думаешь, я не знаю? Старый ты пройдоха, давно на тело своего ученика заглядываешься, вот же низость!

Фэн Цзюцин тайком погладил хвостик Системы и тихо прошептал:

— Разве можно называть это заглядыванием, когда речь идет об отношениях между учителем и учеником? Это называется внутренним перераспределением ресурсов.

Шерсть на хвосте Системы встала дыбом:

— Бесстыдство не имеет границ!

Фэн Цзюцин не моргнул глазом:

— Благодарю за комплимент, Системка.

— Ах ты, негодник! — Система в ярости разорвала связь.

Минцин — таково было сценическое имя Главы башни Ситай.

Мо Лин бережно помог Фэн Цзюцину выпрямиться. Он не понимал, как Глава павильона мог в одно мгновение превратиться из ледяного лотоса в цветок персика, поэтому в его глазах читались подозрение и настороженность. Ему не терпелось узнать, чего же на самом деле добивается этот человек.

— Прошу, не стоит церемоний.

Надо же, его капуста выросла настоящим благородным мужем, мягким, словно нефрит — всё-таки его воспитание не прошло даром.

Фэн Цзюцин, воспользовавшись моментом, провел рукой по ладони Мо Лина. Пальцы того были тонкими и длинными, и Фэн Цзюцин отметил, что одной рукой мог бы легко обхватить обе ладони гостя. Даже не будучи ценителем мужских рук, он не мог не признать, что очарован.

Мо Лин, заметив этот жест, невозмутимо отстранился. Впрочем, чего еще ожидать от человека из такого места? Он-то думал, что Глава будет вести себя сдержаннее, а тот сразу полез с ласками, ничем не отличаясь от остальных.

Правда, руки у Главы оказались странно маленькими, совсем не как у обычных мужчин, да и не такими уж нежными — легкие мозоли на основаниях больших пальцев заставили Мо Лина еще больше насторожиться: этот человек владеет боевыми искусствами.

Впрочем, эти изящные руки напомнили ему о том мужчине в маске из Южного кабинета, который когда-то держал в руках всю власть. Тот был статен, как и полагается мужчине, но руки имел невероятно тонкие и красивые, так и хотелось взять их и рассматривать часами.

Оба носят в имени иероглиф Цин — может, это судьба?

Мо Лин отвел взгляд, словно ничего не заметив, и отошел, чтобы сесть за стол. Он небрежно налил себе вина и едва слышно произнес:

— Слышал, что Глава не имеет равных в искусстве и красоте. Не окажет ли он мне честь, показав свое мастерство?

Фэн Цзюцин ослепительно улыбнулся, так что у Мо Лина на мгновение помутилось в глазах. Уши гостя слегка покраснели, и он залпом выпил чашу вина, чтобы прийти в себя. Этот Глава был воплощением неземной красоты, каждое его движение и взгляд пронзали сердце. Пожалуй, лишь Юаньвэй, любимый артист Великого наставника, мог бы поспорить с ним.

Два года назад Юаньвэй покориł мир своим танцем с мечами, заставив даже правителей южных земель склонить головы. Тогда он танцевал, наполовину скрыв лицо, а позже Великий наставник спрятал его в своем поместье, и никто больше не видел его лица целиком. Но этот Минцин... он ведь так похож на Юаньвэя?

Неужели за башней Ситай стоит Великий наставник? Глаза Мо Лина сузились, пальцы начали нетерпеливо постукивать по столу. Если так, то дело принимает сложный оборот.

— Раз дорогой гость просит, как же я могу отказать? Но что именно вы хотели бы увидеть? — Фэн Цзюцин, чьи глаза лучились мягким светом, смотрел на Мо Лина, отражаясь в его

зрачках.

Мо Лин налил еще вина:

— Как пожелаете. Я доверяю вкусу Главы.

Фэн Цзюцин сделал несколько шагов вперед, сокращая расстояние так, что его дыхание коснулось лица Мо Лина. Тот напрягся — давно никто не смел приближаться к нему так близко. У него была болезненная тяга к чистоте, и он терпеть не мог чужого присутствия, поэтому окружающие знали, что подобные вольности стоят жизни.

За мягкой улыбкой Мо Лина скрывалось намерение убить, он с ленивым интересом наблюдал за человеком перед собой.

<http://bllate.org/book/21502/2203447>